

Дики адьгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 17 (100)

Изгнание черкесов произошло в такую историческую эпоху, когда в мире бушевали жестокие колониальные войны, а политика территориальных захватов доминировала в сознании правителей ведущих колониальных держав. Самые жестокие методы принуждения поработанных народов практиковались не только на дальних окраинах так называемого цивилизованного мира, но и в самой Европе.

Вспомним, с какой свирепой жестокостью были подавлены восстания польского народа в 1830 – 1831 и 1863 гг. С самыми крайними проявлениями насилия были сопряжены подавления восстаний народов на территории Османской империи. Но нигде кровавые эксцессы не приняли столь удручающе длительного и беспросветного характера и не привели к полному исчезновению с политической и этнографической карты целой страны. И в Греции, и в Болгарии, и в Польше страдало лишь незначительное меньшинство населения, а репрессии не приводили к этнической катастрофе.

Черкесия стала самым неприглядным примером того, на что способна человеческая природа при условии полной бесконтрольности и попустительства со стороны других держав. Население было частично уничтожено, частично депортировано в Турцию, а на исторической родине было позволено остаться не более 5% от того населения, которое было зафиксировано офицерами Генерального Штаба российской армии в 1830 г. Более реалистичная цифра оставшегося населения – в пределах 3%. И даже эти жалкие остатки, истощенные войной и голодом, административными методами выдавливались из своих земель, подвергались репрессиям и пребывали в обстановке полного произвола со стороны царских чиновников. Вынужденная эмиграция продолжалась еще порядка 30 лет после 1864 г.

Судьба черкесских изгнанников была особенно трагичной. Они были не группой эмигрантов или беженцев, но целым народом, который пережил несколько десятилетий ожесточенной войны и оказался лишен своей тысячелетней родины. Народ-изгнанник был лишен и права, и надежды на возвращение. Ощущение полной безысходности, невероятной несправедливости бытия сопутствовало первым шагам изгнанников на чужбине. Обреченность звучит в каж-

дом слове песни-плача об изгнании.

Страна, которая приютила черкесов, переживала далеко не лучшие свои времена. Некогда могущественная империя Османов испытывала острый системный кризис, длившийся многие десятилетия и перемежавшийся небольшими периодами стабилизации. Фраза о том, что Турция является «больным человеком Европы», отображала действительное положение дел. Экономика стагнировала и не позволяла проводить эффективную модернизационную политику. Коррупция пожирала османское государство изнутри. Порта постоянно занимала значительные средства у западноевропейских правительств и частных банков.

над Турцией в конфликте за Сирию.

Фактически, речь идет о том, что существование османской государственной системы являлось результатом балансирования между ведущими геополитическими игроками. Ни Великобритания, ни Австро-Венгрия, ни Россия не желали уничтожения Турции или турецких владений в Европе любой ценой – тем более такой, которая могла потребовать собственных издержек и усиления противной стороны. Само собой разумеется, что османская правящая элита стремилась не только к балансированию, но и к собственному усилению. К 60-м гг. XIX в. мятежный вассал – Египет – был умиротворен и даже поставлен под номи-

нистративная реформа. Таким образом, эпоха адаптации черкесского народа в Турции совпала с эпохой модернизации. Османское государство обладало определенным потенциалом для принятия более чем полумиллиона черкесов. Но внезапность притока столь большой массы беженцев поставила ряд едва разрешимых проблем. В условиях отсутствия железных дорог и системы здравоохранения, неизбежными стали многочисленные жертвы в первые дни и месяцы нахождения в Турции. В советской, а частично и в постсоветской историографии усиленно подчеркивается именно этот трагический аспект «переселения». Забывается, что «переселение» на самом деле было изгнанием и что мно-

показывают нам весьма действенный и эффективный подход турецкой администрации по размещению абхазских беженцев 1867 г. В переписке турецкие чиновники признают, что не были в состоянии полностью избежать неоправданных потерь среди черкесских беженцев в 1863-64 гг., по причине их огромной численности и отсутствия опыта в принятии и расселении массы людей. Во избежание хищений денежных и иных средств, выделяемых правительством на прием группы абхазцев, предлагается каждому главе семейства выдать тетрадь-ведомость, в которой должно было отмечаться и получаемое денежное пособие, и строительные и иные материалы. Интересно, что адаптированное по этой же схеме черкесское население Анатолии и Балкан уже выплачивало со своих хозяйств такой объем налогов, которые полностью покрывали все расходы правительства на прием новой волны беженцев.

В период с 1864 по 1876 гг. и на территории Европейской Турции, и в Анатолии все черкесские селения получили удовлетворительные и, нередко, превосходные возможности к социально-экономической адаптации. Русские и европейские путешественники зачастую отмечали зажиточный вид черкесских селений.

Угрозы для безопасности черкесского населения исходили из тлеющих конфликтов. Процессы децентрализации и суверенизации народов империи, поддерживавшиеся самым активным образом из-за рубежа, порождали антиправительственные мятежи и, в ряде случаев, массовые национально-освободительные восстания. Черкесы были вынуждены принимать активное участие в подавлении таких восстаний, поскольку всецело зависели от воли султанского кабинета.

Нарастало значительное недовольство существующим режимом и со стороны самих турок. Появились и получили поддержку из Европы революционные турецкие группы, открыто выступившие за свержение Османской династии и организацию общества и государства на демократических республиканских началах. Самые первые такие группы, первоначально среди интеллектуальной части османской управленческой элиты, стали возникать именно в те годы, когда произошло изгнание черкесов. Поэтому первое поколение черкесов, рожденных в Турции, стало ровесником

Судьбы черкесской диаспоры

На протяжении второй половины XVIII в. Турция проиграла две масштабных войны России. Затем последовали еще два поражения на протяжении первой трети XIX в. После 1829 г. Османская Турция оказалась в самом затруднительном положении. Против султана поднял восстание хедив (вице-султан) Египта Мухаммад Али. В 1833 г. египетские войска с боями прошли всю Сирию и Анатолию и показали на подступах к Мраморному морю. Безопасность османской столицы была обеспечена исключительно благодаря скоординированным усилиям европейских держав и России. По договоренности с султаном крупный русский десант во главе с генералом Муравьевым высадился на восточной стороне Босфора и преградил путь египтянам. Мухаммад Али был вынужден отвести войска с коренных турецких территорий, но оставил за собой Сирию (включая Ливан и Палестину). В 1839 – 1841 гг. Египет вновь одержал верх

нальный контроль со стороны Порты.

Значительное усиление Турции произошло в 50-е гг., когда султанское правительство получило весьма внушительные дивиденды от участия в Крымской войне на стороне большой европейской коалиции. Технологии, передовое вооружение и открытый доступ к получению европейского образования дали ощутимые плоды. Важным фактором усиления османской армии стала военная реформа и появление массы европейских инструкторов, военных специалистов и инженеров. Европейские офицеры стали занимать самые высокие посты в армии и описаны интересные эпизоды, когда на переговоры съезжались и с турецкой, и с русской стороны генералы германского происхождения. После 1855 г. позиции Турции и ее флота в бассейне Черного моря резко усилились на фоне столь же резкого ослабления России.

Помимо военной реформы происходила масштабная ад-

министративная реформа. Таким образом, эпоха адаптации черкесского народа в Турции совпала с эпохой модернизации. Османское государство обладало определенным потенциалом для принятия более чем полумиллиона черкесов. Но внезапность притока столь большой массы беженцев поставила ряд едва разрешимых проблем. В условиях отсутствия железных дорог и системы здравоохранения, неизбежными стали многочисленные жертвы в первые дни и месяцы нахождения в Турции. В советской, а частично и в постсоветской историографии усиленно подчеркивается именно этот трагический аспект «переселения». Забывается, что «переселение» на самом деле было изгнанием и что мно-

показывают нам весьма действенный и эффективный подход турецкой администрации по размещению абхазских беженцев 1867 г. В переписке турецкие чиновники признают, что не были в состоянии полностью избежать неоправданных потерь среди черкесских беженцев в 1863-64 гг., по причине их огромной численности и отсутствия опыта в принятии и расселении массы людей. Во избежание хищений денежных и иных средств, выделяемых правительством на прием группы абхазцев, предлагается каждому главе семейства выдать тетрадь-ведомость, в которой должно было отмечаться и получаемое денежное пособие, и строительные и иные материалы. Интересно, что адаптированное по этой же схеме черкесское население Анатолии и Балкан уже выплачивало со своих хозяйств такой объем налогов, которые полностью покрывали все расходы правительства на прием новой волны беженцев.

В период с 1864 по 1876 гг. и на территории Европейской Турции, и в Анатолии все черкесские селения получили удовлетворительные и, нередко, превосходные возможности к социально-экономической адаптации. Русские и европейские путешественники зачастую отмечали зажиточный вид черкесских селений.

Угрозы для безопасности черкесского населения исходили из тлеющих конфликтов. Процессы децентрализации и суверенизации народов империи, поддерживавшиеся самым активным образом из-за рубежа, порождали антиправительственные мятежи и, в ряде случаев, массовые национально-освободительные восстания. Черкесы были вынуждены принимать активное участие в подавлении таких восстаний, поскольку всецело зависели от воли султанского кабинета.

Нарастало значительное недовольство существующим режимом и со стороны самих турок. Появились и получили поддержку из Европы революционные турецкие группы, открыто выступившие за свержение Османской династии и организацию общества и государства на демократических республиканских началах. Самые первые такие группы, первоначально среди интеллектуальной части османской управленческой элиты, стали возникать именно в те годы, когда произошло изгнание черкесов. Поэтому первое поколение черкесов, рожденных в Турции, стало ровесником

ГАРМОШКА КАК МАНИФЕСТ

первого поколения турецких революционеров-младотурок. Они воспитывались в одних учебных заведениях, служили вместе в армии и одновременно совершали подъем по государственной лестнице.

Между младотурками и черкесами существовало как взаимное идейно-интеллектуальное притяжение, так и существенные противоречия, в основном из-за крайнего тюркского национализма ведущих идеологов младотурок. На смену национальному нигилизму и даже космополитизму османской системы пришел националистически ориентированный управленческий слой. По сути, идеи младотурок восторжествовали еще до их прихода во власть. Султан Абдул-Хамид II, которого считали реакционером и палачом, оказался едва ли не либералом – на фоне последующих преступлений младотурок.

Приход младотурок во власть в 1908 г. как внешне либерализовал облик Турции – в частности, была провозглашена свобода слова и собраний, так и обернулся выдвиганием абсолютного большинства черкесских офицеров из армии и госаппарата.

Затем последовало крайне обременительное для турецкого народа участие в Первой мировой войне на стороне Германии. В 1915 г. правительство младотурок организовало депортацию и массовое уничтожение армянского населения.

В 1918 г. войска Антанты оккупировали ряд районов Турции и столицу доживающей последние дни империи. Марионетное султанское правительство оказалось на положении заложника у английского командования. Под покровительством Антанты территориальные претензии к Турции предъявила Греция, войска которой заняли важнейшие порты Западной Анатолии. В этих тяжелых условиях, грозивших самим устоям турецкого государства, возникла сильная фигура народного вождя – Мустафы Кемалю. Герой войны, проявивший себя с самой лучшей стороны в боях с английскими войсками на Галлиполи, провозгласил новый курс для Турции и турецкого народа. Этот курс означал полный разрыв с султанским-халифским режимом, ликвидацию монархического института и превращение Турции в современное светское государство европейского образца.

Одними из первых знамя национально-освободительного движения турецкого народа подняли черкесские отряды во главе с Черкесом Эдхемом, который нанес греческим оккупантам ряд поражений еще в тот период, когда Мустафа Кемаль только утверждал свою власть в Анкаре. Свои крайние националистические устремления Мустафа Кемаль искусно маскировал на протяжении всего периода вооруженной борьбы – до 1923 г. включительно.

После окончательного вытеснения греков из Анатолии

Этнографическая карта Европы. Париж, 1885 г. Фрагмент.
Карта зафиксировала факт почти полной замены населения: «Черкесы. Ныне русские».
Carte Ethnographique de L'Europe // La Geographie militaire de A. Marga. Paris, 1885.

и эвакуации частей Антанты из Стамбула, Мустафа Кемаль Ататюрк – «Отец турок» – взял направление на полную ассимиляцию черкесов и курдов – двух основных мусульманских этнических меньшинств Турции. Каждый житель Турции, за исключением христиан и иудеев, провозглашался турком. Черкесский и курдский языки были объявлены вне закона: были введены уголовные наказания для тех, кто позволял себе говорить на родном языке в публичных местах. Под запретом оказалась даже гармошка – излюбленный музыкальный инструмент черкесов. Государство, построенное Ататюрком, становится крайне шовинистическим и пантюркистским по своей идеологии и практике.

Выдающиеся политические и военные деятели Турции – черкесы по происхождению – были репрессированы или вынуждены эмигрировать. Герой войны с Грецией Черкес Эдхем спасся бегством в Грецию, откуда выехал в Иорданию, где скончался в 1948 г. Его героическая репутация была сильно омрачена его жестокостью к соплеменникам, которые сражались в лагере противников Мустафы Кемалю. Для торжества Кемалю и освобождения Турции он сделал едва ли не больше, чем все остальные военачальники анкарского правительства вместе взятые, но его имя было оболгано государственной пропагандой, он был объявлен предателем и такая историческая оценка его личности сохранялась в Турции вплоть до конца 80-х гг. XX в.

Несмотря на национальный гнет, который придавливал черкесское самосознание в Турции, существовали и весьма позитивные обстоятельства проживания черкесского народа в этой стране – преемнице той империи, которая в XIX в. приютила у себя народ-изгнанник. Нахождение черкесов в Турции не подвергалось сомнению, а сами они, несмотря на все негативные процессы в сфере идеологии, рассматривались как надежная опора государства. Социальные лифты для черке-

сов были обеспечены репутацией лояльного и способного к военной и административной службе народа. Поэтому в середине XX века мы наблюдаем в среде высших турецких чиновников значительную группу черкесов.

Самое важное преимущество было обеспечено пусть и медленным, но стабильным дрейфом Турции в направлении западной культуры. Турция являлась частью западного мира в большей степени, чем мусульманского. Вступление страны в НАТО способствовало закреплению этого положения. В стране действовали политические партии, существовала многопартийность, функционировал парламент, а система выборов не являлась простой ширмой диктатуры одной политической силы, как это имело место во всех прочих странах Османской империи, включая эмансипированные, но подпавшие под власть коммунистического блока Болгарию, Румынию, Югославию, не говоря уже о печальном состоянии ближневосточных режимов. Не случаен в этом плане тот факт, что черкесы Сирии и даже Израиля выезжали на работу в Турцию.

В еще большей степени социальной и культурной эмансипации турецкого и, вместе с ним, черкесского населения способствовали культурные и образовательные контакты Турции с Западом. Массовая трудовая миграция «турок» обеспечила благополучные стандарты жизни для многих тысяч черкесских семей.

В самой Турции, начиная еще с османской эпохи, полностью закрепился принцип неизблемости частной собственности. Черкесы Турции жили в условиях рыночной, конкурентной экономики, достаточно высоких стандартов в соблюдении прав человека, среди которых важнейшее – право частной собственности. Оно обеспечивало не только экономический, но и нравственный иммунитет индивида в обществе. Параллельно существовал высокий, но не непроницаемый, барьер на пути свободы слова. В космопо-

литичном Стамбуле в этой сфере всегда действовали существенно иные правила, нежели в правительственной и заидеологизированной Анкаре. Относительно либеральным духом старой османской столицы пользовались и черкесы. Здесь черкесские культурные центры существовали одновременно с формальным и действительным запретом на существование иных идентичностей, кроме турецкой.

Временами складывались условия даже для открытой и публичной демонстрации собственной черкесской идентичности. Примером служит обстановка холодной войны, в рамках которой стало возможно озвучивание тяжелой участи черкесов Советского Союза, в противовес которым «счастливы» живут турецкие черкесы, что прямо противоречило общей установке на запрет черкесского языка и принадлежности к черкесам. Черкесскую тему мог озвучить не диссидент, а представитель военной элиты Турецкой Республики – генерал Исмаил Беркок, автор книги «История Кавказа» (Стамбул, 1958).

Очень ограниченной численно, но находящаяся на привилегированном положении, группа северокавказцев в самые суровые годы, когда государство действовало как ассимилятивный институт, могла позволить себе изучать и публиковать исследования о черкесах и других северокавказских народах.

Весьма позитивным фактором социальной и демографической истории черкесов Турции стало то фундаментальное обстоятельство, что Турецкая Республика не участвовала во Второй мировой войне. Это избавило черкесский народ от тех совершенно ужасных человеческих потерь, на которые оказались обречены черкесы исторической родины. Сохранение человеческого потенциала способствовало устойчивому развитию Турции. После Второй мировой войны крайние формы тюркского национализма постепенно пошли на спад.

Точно также и в Советском Союзе радикальные методы принуждения и контро-

ля над населением стали уступать место более рациональным способам управления населением и экономикой. Если в Турции черкесы не испытали и толики тех репрессий и испытаний, которые пережили советские черкесы, то взамен своего относительно комфортного существования оказались лишены элементарных прав как этническая общность.

В Советском Союзе были созданы национальные автономии, образование на родном языке, выпуск книг и газет, показная забота о развитии новых социалистических черкесских народностей, но при этом периодически имели место массовые репрессии, население испытывало самые жуткие испытания в результате глобальных социальных экспериментов, главным из которых стала коллективизация. Отсутствовала частная собственность и свобода слова. Рассуждать можно было только в одном ключе – в том, в котором давали указания коммунисты и газета «Правда». Нельзя было жаловаться, надо было мужественно и стойко преодолевать со всем советским народом голод, тотальные экспроприации продовольствия, казарменный строй на производстве и в колхозе. Жители сельской местности не имели на руках паспортов и не имели фактического права свободного перемещения по стране. История черкесов признавалась только в том изложении, которое определялось сверху: обязательно надо было многократно подчеркивать антинародную эксплуататорскую сущность черкесских князей, дворянства и духовенства. Вся история сводилась к тяжкому вековому гнету со стороны Крымского ханства и Османской Турции. В Кавказской войне мусульманские фанатики, инспирированные Англией и султаном, спровоцировали ожесточенное сопротивление царизму. Антинародная сущность царизма и его кровавые преступления на Кавказе подчеркивались, но вхождение народов Северного Кавказа в состав даже такой, «отсталой и реакционной», царской России считалось благом и шагом к прогрессу, поскольку «передовые русские люди» уже начали бороться с царизмом, и общее светлое будущее было обеспечено самим ходом истории.

Интересно, что периоды демократизации общественной жизни наступили в России и Турции одновременно – во второй половине 80-х гг. XX в. Сейчас обе страны прикладывают заметные усилия на пути внедрения европейских норм в сфере прав человека и прав национальных групп.

Этот благоприятный этап черкесские общины встретили, несмотря на почти полное отсутствие контактов на протяжении 20 – 70-х гг. XX в., как единый этнос со своим языком, культурой и общими устремлениями. Черкесы мира пережили очень длительный пе-

РЕПАТРИАЦИЯ

риод некомфортных условий для воспроизводства национальной культуры.

Важнейшие изменения в истории черкесов произошли на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в., вслед за процессами демократизации в Советском Союзе. Железный занавес рухнул и открыл диаспоре путь на историческую родину. Если до 1992 г. многочисленные обращения оставались с одним единственным ответом – категорическим отказом в праве репатриироваться, то отныне настала кардинально иная эпоха.

Наши соотечественники за рубежами РФ получили право возвращения. Но обретение этого фундаментального и естественного права было сразу же отягощено кровавыми эксцессами на Кавказе: война в Абхазии в 1992 – 1993 гг. и общая тревожная и крайне нестабильная ситуация на пространстве Северного Кавказа далеко не способствовали процессу массового возвращения.

Экономический хаос, воцарившийся в России, отталкивал еще больше. Рост безработицы, отток населения из республик Северного Кавказа в центральную Россию и за границу формировали устойчивый негативный имидж исторической родины как региона, неспособного принимать репатриантов.

Одновременно происходил процесс национально-государственного строительства в РА, КЧР и КБР, принимались важнейшие правовые акты о репатриации адыгов, абазин, карачаевцев и балкарцев. Политический ландшафт впервые позволял возвращение, но социально-экономический ландшафт выталкивал не только немногочисленных репатриантов, но и местное население.

Вместе с тем, после 1989 г. началась активная работа по созданию международной политической и культурной ассоциации черкесов. Закономерно, что инициаторами создания МЧА стали черкесские общины Голландии и Германии, передовых стран мира, где уже более полувека происходила эволюция международных гуманитарных и правовых институтов. Население в этих странах на протяжении XX века развило высочайшие стандарты в соблюдении прав человека, прав национальных и культурных меньшинств. Поэтому, адыги, осевшие в Голландии и Германии, органично усвоили эти истинно европейские устойчивые политическую культуру, предложив ориентироваться на них черкесам мира.

Весьма символично, что первая учредительная конференция в Голландии (май 1990 г.) прошла без участия делегации из Адыгеи, которая в этот период была еще в подчиненном положении у руководства Краснодарского края. Адыгские общественники Майкопа не имели самой элементарной возможности выезда за рубеж – тем более, по столь политически щекотливому,

с точки зрения партийной верхушки, вопросу.

Более раскрепощенными в этом плане были представители Кабардино-Балкарии, которая являлась республикой в составе РСФСР. Кабардинцы, начиная с хрущевской «оттепели», налаживали контакты с диаспорой, а редкие студенты-черкесы из Сирии и Иордании учились в КБГУ.

Так завершилась более чем 100-летняя изолированность черкесской диаспоры и черкесов родины. Необходимо заметить, что черкесские общины подошли к этому историческому рубежу с весьма различающимся социально-политическим и культурным опытом. Ни у одной из общин, тем не менее, не было некоего культурного или цивилизационного преимущества. Мы, советские-российские черкесы, были настолько задавлены идеологическим пресом советского государства, что в массе своей искренне верили в то, что не существует уже в истории и современности единый черкесский этнос. Для черкесов Адыгеи кабардинцы были неким далеким северокавказским этносом, а интеллектуалы и энтузиасты истории знали, что самоназвание кабардинцев – адыгэ. Черкесы КЧР часто полагали, что они и есть исторический черкесский этнос и едва ли не единственные преемники черкесов прошлого.

Ситуация в сфере национальной идентичности в среде советских черкесов была такова, что в 1991 г. в Майкопе был организован форум под названием: «Мы – адыги-черкесы». Эта формула идентичности показала многим делегатам форума неочевидной. Имела место напряженная пикировка мнений, вызванная заявлением ряда адыгейских делегатов о том, что черкес – оскорбительная и пренебрежительная иностранная кличка и именоваться следует исключительно адыгейцами и

кабардинцами.

Тем не менее, черты единства не являлись надуманными и интеллигенция трех российских республик и двух анклавов Краснодарского края (армавирско-успенского и причерноморско-шапсугского) сформировала целостное представление о существовании единого адыгского-черкесского этноса.

Эти реально существовавшие (и ныне действующие) черты единства состояли в, по сути, едином языке и соционормативной культуре, едином самоназвании и ощущении тесного этнического родства. Мощным фактором единения после 1990 года стало осознание единства исторической судьбы, общей причастности к героической борьбе предков за независимость и к масштабной трагедии крушения адыгской страны – Черкесии, изгнания сотен тысяч людей за море.

Таким образом, российские черкесы обрели себя и осознали свое единство как этноса и культуры, и впервые недвусмысленно заявили о своих национальных чаяниях, из которых главное – возвращение соотечественников из-за рубежа и единение народа на исторической родине.

Надо заметить, что это обретение этноса, то есть осознание каждой из общин себя как составной части целого, произошло синхронно с процессом духовного слияния с соотечественниками за рубежом.

Еще одно такое же глобальное открытие этой эпохи – это обретение своей истории, не отягощенной коммунистической идеологией и не менее тяжким грузом до-революционного царского официоза.

Так, адыги понемногу свыкались с этнонимом черкес, примеряли его на себя, понимали, что это родное, веками присущее, имя – имя, наполненное гордостью и че-

стью!

О чем говорят эти наблюдения? О том, что пресловутый железный занавес лежал не только между Советским Союзом и остальным миром, но и о том, что такие же железные перегородки были внутри страны – между отдельными автономиями. Население Адыгеи, в частности, десятилетиями пребывало в информационном анабиозе, под «коллапом» у краевых властей. Территория Адыгеи в ряде случаев не включалась в Северный Кавказ. Так, например, многолетняя академическая северокавказская археологическая экспедиция имела зону работ от Черкесска до Махачкалы. Эксцессы этого, противоречащего географии и здравому смыслу, подхода мы видим и в наши дни. Адыгея не была включена в состав СКФО и находится в составе ЮФО.

Главная черта единства в 1990 г. состояла в полном осознании своего этнического, культурного и лингвистического единства в географически и политически разрозненных черкесских общинах Турции, Сирии, Германии, Израиле, Иордании, США и других странах. Без действия единых образовательных институтов, без возможности получать образование на родном языке, и вопреки ассимилятивному давлению государственных и религиозных институтов, черкесы диаспоры сохраняли язык, поддерживали контакты между общинами. Черкесы диаспоры показали нам пример приверженности тысячелетним национальным ценностям. Более того, они изжили в себе социальные противоречия. Во многих случаях они сформировали унифицированный диалект адыгского языка с включением элементов и кяхского (западно-черкесского), и кабардинского диалектов. Адыгские общины не распались, не ассимилировались, но со-

хранили свою идентичность в полном объеме.

Черкесские общины наладили устойчивые связи и приобщились к пониманию единых цивилизованных принципов возрождения черкесского этноса. Мы убедились в том, что после 125 лет почти полной изоляции диаспоры и российских черкесов, не потеряв единый ментальный и культурный код. Мы действительно близкие по духу потомки некогда единого этноса.

О репатриации

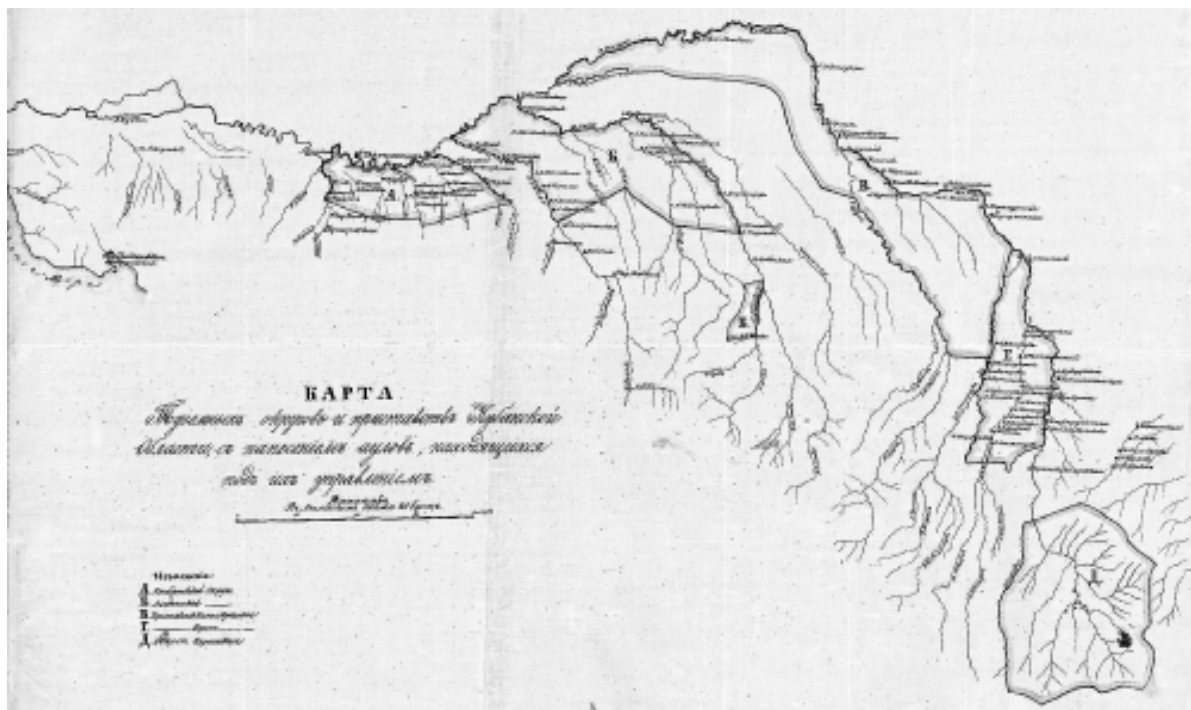
Все мы ежедневно производим слово репатриация. Есть даже такой праздник как день репатрианта. Но за четверть века возвратилось не более трех тысяч человек. Это много меньше, чем уехало из наших республик. И это на том фоне, когда в Адыгее, и в Карачаево-Черкесии адыгские общины не только не отошли от уже обозначившейся черты полной этнической деградации, но и перешагнули эту черту.

Понятно, что в условиях глобализации сама идея репатриации в значительной мере поставлена под сомнение. Есть немало таких народов, примерно равных черкесам по численности, которые обладают своими государствами, но при этом не только не заботятся о репатриации значительных диаспор, но, напротив, поощряют эмиграцию масс своих безработных в развитые страны. Представим себе на минуту, что существует большая республика в составе РФ под названием Черкесия, но если это будет в социально-экономическом и цивилизационном отношении отсталое пространство, то народ просто сам добровольно разбежится из этой будущей Черкесии.

Важно, чтобы мы, существуя в рамках стремительно модернизирующегося российского социума, сохранились, увеличили свою численность и перестали ассимилироваться или, по крайней мере, чтобы ассимиляция перестала угрожать самим основам адыгского этнического организма.

Все последние годы мы наблюдаем процесс оттока молодых и образованных черкесов из России и Турции на запад. Мы можем быть уверены в том, что эмиграция черкесов из Турции в Западную Европу далеко превосходит число репатриантов на историческую родину. В противовес этому потоку даже не течет, а сочится время от времени ручеек некоей ностальгической репатриации на историческую родину. Зачастую, это люди пенсионного возраста, бывшие бюджетники, которые в молодые годы лелеяли мечту о возвращении.

Очевидно, что нам необходимо пересмотреть наше представление о репатриации. Ясно, что она никогда не будет массовой. В условиях глобализации люди впервые обрели фундаментальное право жить там, где им удобно, иметь несколько гражданств.

Карта туземных округов и приставств Кубанской области с нанесением аулов, находящихся под их управлением. [Ранее 13 сентября] 1864 г.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 469. Л. 8.

А – Бжедуховский округ

Б – Абадзехский округ

В – Приставство Нижне-Кубанское

Г – Приставство Верхне-Кубанское

Д – Общество Карачаевское.

РЕПАТРИАЦИЯ

Ясно, что люди со связями, деньгами и высоким уровнем образования не поедут в Адыгею или находящуюся на полувоенном положении Кабарду, но выберут развитую страну. Например, в Австралии черкесских эмигрантов из разных стран в несколько раз больше, чем репатриантов на исторической родине.

Таким образом, нам – адыгам Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – просто-напросто придется довольствоваться тем немногочисленным и, как правило, небогатым составом репатриации, который, если мы будем работать, станет чуть более многочисленным и значительным.

Но даже этот чахлый ручеек из репатриантов и полурепатриантов встречает у нас очень незначительное радушие и массу барьеров. Мы видим, что общины репатриантов разделены по странам происхождения, что достаточно естественно, но они почти совершенно не интегрировались в адыгское общество исторической родины.

Необходимо начать исследование мирового опыта репатриации, создания действенных механизмов адаптации. В наших условиях, это в первую очередь адаптация к российским условиям, а только потом или одновременно усиление адыгской идентичности.

Какой должна быть система приема и адаптации? Должны ли быть выработаны ясные юридические требования, которые определяли бы права и обязанности сторон – репатрианта, с одной стороны, и Республики Адыгея, с другой стороны?

Ясно, что никто не может принудить человека навсегда оставаться жителем Адыгеи, проявлять при этом недюжинный патриотизм и такое же терпение. Может быть, что репатриант разочаруется в жизни на исторической родине или просто получит выгодное предложение по работе в любой стране мира. Бывают и завышенные ожидания, с обязательным разочарованием и потом такой «репатриант» с его повествованием о собственном неудачном опыте жизни в Адыгее отбивает желание к репатриации у множества наших соотечественников. Именно поэтому на первоначальной стадии должна быть ясная шкала требований с не менее четким пакетом мер поддержки.

В общих чертах, система должна работать таким образом, что если возвращается полная семья без больших финансовых возможностей, то уже через 50 – 60 дней все трудоспособные должны быть трудоустроены, а все дети – пойти учиться. Необходимо открыть 2 – 3 школы с уклоном на прием юных репатриантов.

Всеми юридическими вопросами вращая в российское пространство и получением гражданства должно заниматься специальное многочисленное и высокопрофессиональное бюро по репатриации.

Это должны быть юристы, специалисты в сфере международного права, законодательства, регулирующего миграционную сферу в Российской Федерации, переводчики, социальные работники.

Именно на создание такого бюро и на организацию его деятельности надо изыскать финансовые средства. Именно в этом вопросе нам могло бы оказать самую действенную поддержку наше федеративное государство. В конце концов, первоначальные средства могут предоставить отдельные меценаты.

То есть, идея состоит в том, чтобы создать действенный инструмент, а не кидаться строить дома, а потом, когда сменится настроение, забросить тех, кому так вроде бы рьяно начали помогать.

Главное – сохранение адыгского языка, поэтому репатриантам надо создавать условия для проживания в сельской местности. Адыгские аулы стремительно пустеют и готовые опытные кадры в сфере образования будут только рады новым ученикам.

В этом плане самой высокой похвалы заслуживает деятельность Адыгэ Хасэ Тахтамукайского района и жителей аула Панахес, которые сумели принять у себя значительную группу сирийских черкесов, вырвавшихся из горнила гражданской войны. Этот наглядный и передовой опыт в деле адаптации репатриации надо распространить на все районы республики, где существуют адыгские аулы.

Фактически, несмотря на негативную реакцию отдельных лиц, процесс черкесской репатриации находит понимание и поддержку как у многонационального населения Адыгеи, так и, в целом, россиян. Более того, мы можем констатировать, что данное явление находит поддержку или, по меньшей мере, не встречает препятствий со стороны властей тех государств, где проживают наиболее многочисленные черкесские общины.

Ясно, что массовая репатриация или даже ожидание таковой способны вызвать настороженность и неоднозначную реакцию. Но было бы полным блефом с нашей стороны утверждать, что наши собратья за рубежом готовы к сколько-нибудь массовой репатриации. Почти невозможно себе представить черкеса, который бросит работу и карьерную перспективу в Стамбуле и поедет в Майкоп.

Мы не увидим значительной репатриации до тех пор, пока экономика и социальная сфера на российском Кавказе не станут вровень с турецкими условиями.

Важнейшие задачи социального и экономического развития республик Северо-Западного Кавказа – Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – могут быть успешно разрешены в условиях тесной экономической кооперации и взаимной интеграции. Эти республики объе-

диняют не только адыгские группы населения, но и абазинские, карачаево-балкарские и казацкие этнические общины.

Многонациональное население этих трех республик способно сделать стремительные шаги к процветанию только в условиях подлинной демократии и свободного функционирования институтов гражданского общества. Это цельное с культурной точки зрения пространство сегодня настолько разрознено, что республиканские столицы не имеют прямого автомобильного сообщения, все культурные контакты сведены к едва фиксируемому минимуму. В последнее время мы оказались даже в различных федеральных округах.

Проблемой наших современных кросс-культурных коммуникаций является неизживание тяжелейшего наследия Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе.

В последней трети XIX в. и в начале XX в. совершенно подавляющим оставался имперский бравурный подход, в рамках которого было невозможно приблизиться к гуманистической оценке черкесской трагедии. В советское время это было невозможно из-за тотального идеологического давления.

В постсоветский период сфера исторических исследований в нашей стране осталась в высокой степени политизированной, а в последние годы усиливающееся давление идеологии и практики политического истэблишмента на исследование в области российской истории стало доминирующим трендом.

Наметившийся отказ от свободы в выражении оценок исторических событий, особенно это касается политической истории страны в XX веке, транслируется в весьма навязчивой форме на те научные сообщества, которые занимаются изучением Кавказа.

В рамках сформировавшегося тренда роль Российской империи в истории народов Северного Кавказа оценивается как исключительно прогрессивная, а Кавказская война объявлена результатом происков зарубежных сил. Идеологические конструкции такого рода возвращают нас в 1946 – 1953 гг., когда изучение политической истории Кавказа было попросту невозможно.

Кроме того, данный подход не оставляет пространства для принятия властными институтами такого решения, которое будет основой для общественного согласия.

Представляется, что признание геноцида – это, прежде всего, проблема морального климата, в котором мы повседневно существуем. Морально нечувствительное общество, в котором находит одобрение или оправдание, под любым предлогом, совершенная жестокость, немотивированная свирепость со стороны регулярной армии во время во-

енных действий и после, обрекает себя на повторение позорнейших страниц истории. Покаяние же, напротив, направляет всех нас к миру и сосуществованию на одной земле, в самой благоприятной атмосфере толерантности и взаимного уважения. К сожалению, сегодня мы должны констатировать, что та моральная оценка, которую дал трагическому итогу Кавказской войны для горцев Б. Н. Ельцин в 1994 г., до конца не понята и не принята современным российским обществом. Более того, на наших глазах происходит возвеличивание самых кровавых военачальников периода Кавказской войны – Ермолова, Засса, Серебрякова и прочих.

В то же время мы вряд ли можем рассчитывать на высокие нравственные оценки последствий Кавказской войны в современных российских условиях, в которых стало возможным публичное отрицание сталинских репрессий или оправдание таковых, не говоря уже о почти повседневно встречающемся отрицании холокоста.

Великий ум XX столетия Карл Ясперс в своем классическом труде «Смысл и назначение истории» писал: «Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. ...То, что произошло, – предупреждение. Забыть – значит принять на себя вину. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее.»

Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило (ведь по сей день есть люди, которые отрицают реальность концентрационных лагерей); затем в готовности послушно творить зло в качестве звена некоего механизма и, наконец, в равнодушии, которое спокойно замыкается на требования дня, на повседневности; опасность и в пассивности бессилия, в покорности перед якобы неизбежным».

Недавно я задал такой вопрос многоуважаемому Якову Аркадьевичу Гордину, автору ряда выдающихся книг о Кавказской войне:

«Сегодня черкесский мир, состоящий из диаспор, обращен мыслями и чаяниями к России. Наша главная проблема состоит в налаживании гуманитарной помощи сирийской черкесской общине. Мы наблюдаем крайне холодное отношение власти к нашим репатриантам, как мы их называем, и, фактически, беженцам из Сирии, чья духовная и этническая связь с исторической родиной совершенно игнорируются».

Я. А. Гордин: «Это еще одна из фундаментальных ошибок власти. «Патриотический эгоизм», не имеющий ничего общего с ра-

зумным патриотизмом, мешает принимать стратегически необходимые решения. В данном случае – гуманная доброжелательная помощь репатриантам, вполне материально сильная государствену, благотворно для репутации России отозвалась бы по всему миру, где живут адыги. Мы печемся об «имидже России», тратим огромные деньги на фальшивые пропагандистские проекты, лишая себя куда более эффективных возможностей. Таков стиль».

Сегодня с уверенностью можно сказать, что признание геноцида адыгов (черкесов) будет способствовать установлению прочного взаимопонимания и сотрудничества между государством и адыгским народом на территории российского Северо-Западного Кавказа, а также положит начало длительному и сложному процессу воссоединения адыгов на своей исторической родине при политической и моральной поддержке многонационального российского народа и современного демократического российского государства.

Проблема, которая волнует адыгское общество в неизмеримо большей степени, чем все прочие, несомненно, важные вопросы – это проблема сохранения адыгского языка в условиях стремительной глобализации.

Территория, на которой воспроизводится адыгский язык, неуклонно сокращается. Этот процесс затрагивает в наши дни не только город, но и село. Тахтамукайский район Республики Адыгея урбанизируется стремительно под воздействием г. Краснодара и концентрации населения в поселках городского типа – Яблоновском и Энем.

Республиканская столица – Майкоп – притягивает адыгское население из аулов республики, но, оседая в городе, адыгские семьи почти неизбежно ассимилируются в лингвистическом отношении. В диаспоре поколение, которому сейчас 30 – 40 лет, уже не владеет, в подавляющем большинстве, родным языком. Ясно, что их дети также не будут знать адыгского языка. Наш многомиллионный этнос исчезает у нас на глазах.

Простое решение этой удручающей проблемы, как представляется, не существует. Ясно, что нам всем необходимо бросить все наличные силы и ресурсы на организацию надежной функционирующей индустрии обучения подрастающего поколения черкесов родному языку.

Мы должны добиваться от правительств Турции, Сирии и Иордании всеобъемлющей государственной поддержки в деле обучения черкесских детей черкесскому языку, реализации неотъемлемого права на получение образования на родном языке.

Самир ХОТКО.